

18+

ВИКТОР
ХРОЛЕНКО

Телефонная книжка 80–90-х:

люди, деньги, власть

Виктор Хроленко

Телефонная книжка 80–90-х. Люди, деньги, власть

«У Никитских ворот»

2026

УДК 82-94
ББК 63.3(2)6-8

Хроленко В. Я.

Телефонная книжка 80–90-х. Люди, деньги, власть /
В. Я. Хроленко — «У Никитских ворот», 2026

ISBN 978-5-00246-569-9

Эпоха, переламывающая людей, как щепки, стала почвой для восхождения уникальных характеров. Виктор Хроленко – один из них. Издатель, бизнесмен, филантроп, человек из 90-х – в их самом что ни на есть ренессансном масштабе, он был современником многих эпохальных событий и нередко – их соучастником. Эта книга не претендует на историографическую скрупулезность и системный анализ, это – заметки на полях телефонного справочника, в который были записаны номера самых знаковых людей – от предпринимателей, политиков, деятелей искусств до президентов стран. Тем ценнее она для тех, кто интересуется историей России периода 80–90-х годов XX века – шинели, из которой всем нам еще только предстоит выйти.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-00246-569-9

© Хроленко В. Я., 2026
© У Никитских ворот, 2026

Содержание

«О» 8
«Ю» 9
«О» 10
«П» 12
«П» 13
«Б» 14
«Б» 16
«З» 17
«Е» 18
«А» 19
«О» 20
«С» 21
«Я» 22
«С» 24
«Ш» 26
« 28
«А» 30
«Б» 31
«Р» 33
«К» 34
«С» 35
«У» 36
«Е» 38
«К» 39
«Р» 40
«Н» 41
«К» 42
«В» 44
«Ч» 45
«С» 46
«Д» 47
«Г» 48
«Т» 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Виктор Хроленко
Телефонная книжка 80–90-х: люди, деньги, власть

Эта книга посвящается моей жене Синти
и нашим детям Наташе и Демьяну.
Спасибо вам за любовь, верность и поддержку.

© Хроленко В.Я., 2026
© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

Моя жизнь связана с двумя странами – Россией и Америкой. Единственная супруга и любовь всей жизни – американка. Миллиардный бизнес работал на две страны. Водка, книги, нефть, никель, алюминий, уголь – лишь короткий список направлений моей работы.

На фотографиях из 90-х я худощавый мужчина в компании знаменитых людей. Но вы никогда бы меня не узнали. Я не любитель засветиться в компании сильных мира сего. Я и сам сильнее иных.

15 августа 2025 года мне исполнилось 72 года. Обычным людям вряд ли знакомо мое имя. Виктор Хроленко. Ничего не говорит, правда же? А вот тем, кто управляет Россией со времен Бориса Ельцина, я очень даже знаком.

Открываю свою телефонную книгу. Имена в ней знает любой человек, живший в СССР и живущий ныне в России. И, как у любой книжки, в моей где-то несколько страниц на одну букву, где-то пару тоненьких на другую, но они – на вес золота. Каждая из них – история. Моя, ваша, общая для всей страны.

Страницы с телефонами добавлялись. Что-то я зачеркивал и писал сверху. Когда страницы заканчивались, я переносил продолжение буквы в другое место, писал отдельно, вырезал, вклеивал. Но книга росла и росла. А потом мне надоело, и я решил, что буквы будут обозначать лишь начало фамилий. И они будут повторяться столько раз, сколько телефонов хозяев будет появляться в моей памяти. Поэтому не ждите, что я предложу вам разделы или главы. Но знайте: я открываю вам не только свою уникальную телефонную книжку, но и свои воспоминания, а также личные и редкие фотографии, которые давно пора обнародовать. Поэтому мой вам совет: не спешите искать заветные фамилии. Читайте все по порядку и внимательно.

Это не стандартные описания растиражированных событий, которыми я буду вас развлекать, – это факты, которые знакомы лишь узкому кругу российской элиты. Ценнейшая информация, которая осталась в моей записной книжке и памяти. Для нетерпеливых я составил оглавление. Там указано, на какой странице вы найдете долгожданную фамилию.

А пока для затравки короткий список действующих лиц моего романа о России времен 80–90-х годов. Иных уж нет, а кое-кто в самом расцвете власти.

А – Авен Петя – мой давний приятель, долларовый миллиардер. Министр внешнеэкономических связей при Ельцине, был на короткой ноге со всеми российскими олигархами, в том числе с Березовским.

Б – вот и номер самого *Березовского Бориса,* теперь уже мертвый номер. Я знал Борю десятки лет, но никогда не доверял этому человеку. И оказалось, не ошибся.

А вот Бородин Пал Палыч, один из тех, кто привел к власти нынешнего президента, сам того не подозревая. Удивительный рассказ про одно одолжение.

Д – Дьяченко Леша – бывший зять Ельцина, сотрудник моей компании. Когда я первый раз был в гостях у Леши и Тани, они позвали меня в ресторан. Борис Николаевич уже был президентом. А денег у его дочери и зятя не было, они искали заначку в книге, чтобы расплатиться. Леша возил на продажу трусы и лифчики из Турции. Только представьте, зять первого президента России продает нижнее белье в Лужниках и по совместительству в кремлевских коридорах. Я взял Алексея на работу. Дал направление – лесозаготовка, купил станки, сделал гендиректором компании. Мы многое прошли вместе. Имя Леши и близость к президентской семье осложнили мой многомиллионный американский бизнес.

Дьяченко Татьяна – дочь Ельцина. Борис Николаевич уже в Верховном Совете, известен и популярен, но жена и дочери Таня и Лена все еще без охраны. Поговаривали, что именно в этот период случилась жуткая история: на Таню напал маньяк, прямо в их подъезде на 2-й Тверской-Ямской улице. И этот инцидент навсегда изменил одну жизнь. Представить такое сегодня невозможно, а тогда и Ельцин на троллейбусе ездил на работу.

Буква М – «Манхэттен Экспресс». Знаменитое место в давно снесенной гостинице «Россия» на Варварке. Я был создателем и совладельцем этого клуба. Из-за него меня возненавидел Иосиф Кобзон, а спас вор в законе Япончик. Триллер можно написать.

Но начать я хочу с букв О и Ю. Журнал «Огонек» дал старт головокружительной карьере Валентина Юмашева. Его карьерный взлет был стремителен, как сигнальная ракета. Такое возможно только на стыке краха одной империи и построения новой. Именно этот талантливый журналист сыграл главную роль в жизни современной России. А началась эта история в далеком 1989 году.

«О»
«Огонек»

Прокуренные коридоры журнала «Огонек» конца восьмидесятых были знакомы мне не хуже коридора собственной квартиры. Бывал здесь каждую неделю. В то время я совместно с зарубежными издателями печатал тиражи на разных континентах. Например, издал на японском языке «Малую землю» Брежнева и «Соленое озеро» Солоухина, роман, разоблачающий Аркадия Гайдара. Но с «Огоньком» меня связывали бестселлеры – «Письма читателей», напечатанные для американцев, а также серия статей Артема Боровика о его путешествии на службу в армию США.

«Огонек» в то время рупор правды, миллионные тиражи, бешеная популярность. И мой первый американский бизнес – перепродажа этого журнала. В Нью-Йорке я познакомился с владельцем русского книжного магазина, тогда советскую эмиграцию очень интересовало, что за перестройка идет на бывшей Родине. «Огонек» пользовался спросом, так почему не заработать. Я договорился, что буду оптом привозить журнал в Нью-Йорк. Но как это сделать? Сначала уговорил главреда Коротича написать письмо на таможню. Мол, «Огонек» должен нести новое мышление в американские умы. Разрешение на экспорт получили быстро, мне оставалось только платить за вес посылки в 1 000 экземпляров. Пару раз ездил на контроль погрузки в Шереметьево–2, потом нанял для этого знакомого таксиста. Я брал в Москве номер за копейки и продавал в Нью-Йорке за несколько долларов. Прибыль небольшая, но стабильная. В месяц 400–500 долларов. Приятная мелочь.

Бывая в «Огоньке», я обычно не шел к главреду Коротичу или его заму Гущину, а протискивался в крохотную шестиметровую комнату Вали Юмашева. Он отвечал за отдел писем, и в этой комнатушке стояли десятки картонных коробок с письмами читателей. На их фоне довольно миниатюрный Юмашев смотрелся и вовсе маленьким человеком.

Он был полностью погружен в эти откровения, конверты с марками, письма со всех уголков СССР о том, как живется простому советскому человеку.

«Ю»
Юмашев Валя

Вся редакция «Огонька» пахла сигаретами. Хотя формально курили на лестницах, многие позволяли себе затянуться «Явой» у себя в кабинете. Но только не Валентин: он не курил, терпеть не мог запаха бычков, но мне курить у себя в каморке позволял. Вытянутый свитер, застиранные джинсы, потертая обувь – вот таким я помню Валю в 89-м году. Еще несколько лет он будет ходить в таком виде в «Огонек» и даже Кремль. А потом все изменится.

Талантливый парень, профессионально выросший в «Комсомолке», был находкой для «Огонька». И занозой. И большим поклонником Бориса Николаевича Ельцина. Звезда будущего президента России тогда только начала восходить. Идеолог перестройки Владимир Яковлев отдал распоряжение Коротичу – не печатать интервью Ельцина в «Огоньке». Это впоследствии сыграло роковую роль для Горбачева.

За Ельцина неожиданно вступился Валя Юмашев. Молодой журналист пошел ва-банк и решил подпольно снять про Ельцина фильм. Это сегодня взял телефон – и, считай, «снято», а в 88-м кино снимали на дефицитную кинопленку. Валентину бесценные метры пленки выдала Центральная студия документальных фильмов. Но на другой проект, не про Ельцина. Однако Юмашев сделал свой выбор и снял Бориса Николаевича. Так началась одна из самых удивительных карьер в постсоветской России.

Борис Николаевич запомнил смелого корреспондента. Об этом удивительном союзе я просто обязан рассказать подробно. Позже! Ельцин вообще любил неординарные решения, уважал мужское братство. Свердловский Гекльберри Финн, который совершал мальчишеские поступки. Искал в подчиненных братьев, в молодой поросли – сыновей.

Как-то в поездке в Якутию, когда Бородин был мэром Якутска, самолет Ельцина задержался из-за сильнейших морозов. Греть Бориса Николаевича решили собольей шапкой Бородина и баней.

Дело было так: пить президент России любил и умел. Мужская компания – Ельцин, Бородин, Коржаков – гудела не первый час. Борис Николаевич предложил начальнику своей охраны Коржакову побрататься и полоснул себя ножом по пальцам, Коржаков сделал то же самое. Кровь смешали, так и породнились.

Правда, было еще и повторное братание в Москве. Ельцин взял нож у поваров и снова предложил Коржакову побрататься, кровавый инцидент в Якутии у него в памяти не отложился. Случилось это в охотничьем клубе в Завидово. На пленку такое никто, конечно, не снимал.

А пока молодой Валя стремится помочь опальному Ельцину и снимает кино на чужую пленку. Будущий президент России не забудет этот поступок. Верность демократическим идеалам приоткрыла Юмашеву дверь в Кремль и «Семью». Как? У меня для вас есть очень интересный ответ. Ищите его на букву Ю! Но! Чтобы его понять, нужно окунуться в то время, когда Ельцина еще никто не знал. Да и о Горбачеве никто не слышал. Спустимся по лестнице времени в 70-е. Я часто вспоминаю это время…

«О»
Олимпиада

Конец семидесятых в Москве – время великих строек. Столица СССР готовится к Олимпиаде–80. Всего за шесть лет советские люди должны были создать образцово-показательный коммунизм в отдельно взятом городе, построить десятки гостиниц, новейшие стадионы, дороги – в общем, доказать всему миру, что Советский Союз – это передовая во всех отношениях страна.

На олимпийские стройки съезжаются профессионалы со всех советских республик. Задействованы инженеры стран Восточной и Западной Европы, даже Америки. А старт всей этой эпопеи был не в котлованах «Измайлова» и Совинцентра, а в Вене. 23 октября 1974 года, на сессии МОК, члены комитета в закрытом зале выбирали столицу Игр–80. Конкурент у Москвы был всего один – Лос-Анджелес. В финальном голосовании Москва обошла американцев со счетом 39:20, и право принимать Олимпиаду ушло в столицу СССР. Впервые социалистическая страна становилась хозяином летних Игр. Уже потом, много лет спустя, в прессе стали выходить подробные рассказы участников того венского марафона. Мне запомнилась одна мелочь из воспоминаний Виталия Смирнова.

Накануне голосования наша официальная делегация – председатель Спорткомитета Сергей Павлов, глава Олимпийского комитета Константин Андрианов, сам Смирнов, позже подтянулся председатель Моссовета Владимир Промыслов – всю ночь сидела в гостинице и упаковывала подарки членам МОК. Дарили не часы и не золото, а утварь с хохломской росписью: ложки, тарелки, деревянные стаканы. На более роскошное, по словам Смирнова, просто не было средств. Смешнее всего было с упаковкой. В Советском Союзе тогда был тотальный дефицит на что угодно, включая оберточную бумагу, поэтому уже в Вене наши люди скупили несколько десятков метров бумаги и ленты и устроили ночную «упаковочную бригаду» из высшего спортивного руководства страны. Около сотни наборов хохломы они доводили до товарного вида своими руками. Картина показательная: будущие хозяева олимпийской столицы, члены делегации сверхдержавы, сидят на полу в гостиничном номере и мотают ленточки на ложки.

Поговаривали, что Брежнев пытался дать обратную: прикидывал, во сколько обойдется вся эта Олимпиада, прикидывал штраф за отказ и очень хотел соскочить с темы, перекладывая сомнения на Черненко. Тот, как рассказывали, уговаривал Леонида Ильича держать марку и Олимпиаду все-таки принимать. Никто тогда не представлял, что этот красивый жест обернется для Советского Союза тяжелым экономическим ударом.

Объекты возводятся во всех районах Москвы. «Измайлово» строился четыре года и попал в Книгу рекордов Гиннесса как самый крупный центр Европы с общей вместимостью в 10 тысяч мест. Жилые корпуса оснастили скоростными лифтами американского и финского производства. Мебель для жилых номеров, вестибюлей и ресторанов была выполнена по эскизам авторов-архитекторов мебельными фирмами Литвы и Финляндии.

Для сравнения – в «России», самой большой гостинице Москвы того времени, было всего лишь 5 352 места. Между собой жители Москвы называют эту стройку «Кишлак», иногда «Аул»: именно здесь были задействованы тысячи рабочих из Таджикской и Узбекской союзных республик.

Я не раз бывал в корпусах этой гостиницы уже после Олимпиады и всегда сталкивался с проблемой скоростных лифтов. Они хоть и были американского и финского производства, устанавливали их руками Средней Азии.

Другое дело – Хаммер-центр. Мы тогда именно так его и называли, хотя по бумажкам он числился Совинцентром (сейчас – Центр международной торговли). Арманд Хаммер, человек, который еще с Лениным договаривался, будто бы лично выбрал площадку на Краснопресненской набережной: неудивительно, через реку располагалась его старая карандашная фабрика. Вместо железнодорожного двора вырос стеклянный шкаф. Для Москвы это был космос: стальной каркас, современные панели, алюминий, тонированные стекла – чудо невиданное. В башне сидели представительства западных фирм, рядом отель и апартаменты, и в олимпийское лето вся заграничная пресса, сколько я помню, норовила поселиться именно там.

Я нередко встречался тут со своими партнерами по бизнесу, здесь, кстати, довольно часто мы выпивали с Юлианом Семеновым. Его тут все знали как культового автора «17 мгновений весны», ходил он в приметной куртке американской армии.

Здесь впервые появилось советское пиво в жестяных банках. Для пива «Золотое кольцо» изготовили отечественную банку, крышки с кольцами использовали, правда, импортные. Этот напиток, кстати, продержался только олимпийское лето, а потом был снят с производства как неудачный. Наше пиво не годилось для хранения в жести и быстро приобретало отвратительный вкус.

Стеклянные лифты, рестораны с китайской и японской кухней – эти привычные сейчас вещи в СССР можно было увидеть только в одном месте – Совинцентре на Краснопресненской набережной. В здании работало несколько ресторанов, магазин «Березка», сувенирные лавки, даже спортивный зал.

Попасть в Хаммер-центр стремились не только представители прессы и бизнесмены. Это место облюбовали элитные валютные проститутки. И это несмотря на то, что к Олимпиаде Москву зачистили основательно. Не только от людей, но и от плохой погоды! Сын одного из влиятельных государственных чиновников рассказывал мне, что дни, в которые проводили Олимпиаду, выбирали особенно. По просьбе Оргкомитета Игр Всесоюзный научно-исследовательский институт гидрометеорологической информации изучил результаты наблюдений московской погоды почти за сто лет. Был сделан вывод: самая теплая и ясная погода летом в Москве бывает во второй половине июля – начале августа, и именно в эти сроки было решено провести олимпийские соревнования.

Следили не только за погодой: в июне 1977 года в 5-м управлении КГБ СССР был образован 11-й отдел, задачей которого являлось «осуществление оперативно-чекистских мероприятий по срыву подрывных акций противника и враждебных элементов в период подготовки и проведения летних Олимпийских игр в Москве». Под особый контроль попали «подрывницы с фронта секс-услуг».

«П»
Проститутки

Среди них были те, кто работал только по иностранцам капстран, девочки попроще обслуживали соцлагерь. Места обитания – ресторан «Националь» гостиницы «Россия» и, конечно, Хаммер-центр. Кстати, про них ходил такой анекдот: «„Девушка, вас как зовут?“ – „Катя“. – „А вашу подругу?“ – „Две Кати“». 100 рублей тогда назывались на сленге «Катя». Так незатейливо объявлялась цена за услуги путаны.

Простым советским людям попасть в валютные бары Хаммер-центра было практически невозможно. Но так как у меня имелось официальное разрешение на покупку и хранение валюты, я легко заходил в эти заведения. И даже покупал у девчонок доллары, марки, иены. Была у меня одна знакомая в этой сфере – она мне валюту, я ей сухое молоко для кормления ребенка из магазина «Березка». Одна пикантная деталь оборвала наше общение: ее муж оказался сотрудником милиции Хаммер-центра, он как раз отлавливал проституток, а свою жену крышевал.

Если Совинцентр был местом, где трудилась элита проститутского мира, то самой злачной точкой стал ресторан «Арбат» на Калининском проспекте. Его между собой звали «Шарик». На крыше ресторана много лет вертелся глобус с рекламой «Аэрофлота». Потому и Шарик. Чтобы попасть туда, проститутка платила дважды: швейцару рублей 15 и метрдотелю столько же. Чтобы поближе к иностранцам посадил. Особенно женщины «с низкой социальной ответственностью» ценили японцев – за щедрость. У моего японского бизнес-партнера от московских проституток родилось 4 ребенка. И всех их он обеспечил квартирами и деньгами. Щедрый был человек.

Больше всего девчонки не любили «южков». Так называли югославов, они считались самыми жадными. В рейтинге проституток лучшими были японцы, за ними следовали итальянцы, американцы, финны. А вот с представителями соцлагеря старались не связываться.

В Хаммер-центре и Шарике цена за ночь доходила до 300 долларов, а вот в гостинице «Россия» цены были уже социалистические – 100 рублей.

Но к июлю 80-го года Москву зачищали капитально. Всех транзитных пассажиров, которые прибывали на вокзалы и путешествовали дальше, организованно доставляли с вокзалов в аэропорты. Частный и грузовой транспорт обходил город по кольцевой дороге. Власти убрали с улиц категорию сомнительных элементов, нищих, бродяг. Я не знаю, где и как их разместили: они были во все времена, но не на Олимпиаде.

Поговаривали, что проституток направляли за 100 км от Москвы, чтобы они не вернулись в столицу. При этом кое-какие девушки все же остались в Москве. Это валютные проститутки, которые сотрудничали с КГБ.

На время Олимпиады Москва фактически стала закрытым городом: число командировок туда резко сократилось, отменялись поезда и самолеты, ограничивался въезд на личном транспорте. Студентов отправляли в стройотряды, а родителям рекомендовали взять детям путевки в пионерлагеря – в 1980-м там даже продлили смены. Принудительно никого не выгоняли, но настоятельно предлагали отправить детей подальше от Москвы.

На улицах было непривычно пустынно. А когда по столице ехали автобусы со спортсменами, им устраивали зеленую улицу – редкие машины москвичей отправляли в переулки.

«П»
Проститутки

Единственный день, когда на улицах Москвы собралось много людей, – 28 июля – тогда страна прощалась с Владимиром Высоцким. Поэт и актер ушел из жизни за три дня до этого.

Мне посчастливилось всего лишь раз посидеть в компании Высоцкого. Буквально за пару лет до его смерти. В гостях у писателя Юрия Трифонова на даче в Красной Пахре.

Перед самой своей смертью Сталин сделал одно хорошее дело для советских писателей. Познавший толк в языкознании и хорошо понимавший роль в жизни социалистического общества инженеров человеческих душ, он подписал чуть ли не последний в своей жизни указ о выделении советским писателям участка земли под строительство дач на Старокалужском шоссе, в месте под названием Красная Пахра. Поселок назвали Советский Писатель. Здесь жили Твардовский, Трифонов, режиссер Рязанов, позже Юлиан Семенов.

Населяли поселок также отдельные категории граждан: жописы, дописы и мудописы (жены писателей, дочери писателей и мужья дочерей писателей).

В тот памятный вечер мы гуляли на даче Эдуарда Володарского. На своем участке размером в 50 соток драматург разрешил Высоцкому построить свой домик. Бард часто бывал здесь с Мариной Влади. Там мы и увиделись однажды. Яркий человек, который прожил стремительно. Домик, кстати, был не оформлен. Когда Высоцкий умер, его снесли, и дети Высоцкого не получили никакой компенсации.

А в июле 80-го года официально о смерти Высоцкого не оповещали: во время Олимпиады шумное прощание, по мнению руководства страны, было бы ни к чему. Новость об уходе из жизни Высоцкого разлетелась по городу и без газет: три дня у Театра на Таганке стояли люди, ждавшие возможности попрощаться с актером. 28 июля очередь перед гробом растянулась на девять километров, к театру пришли больше ста тысяч человек. Милиция контролировала порядок, но ни давки, ни каких-либо инцидентов не произошло. При этом похороны советское телевидение не снимало: СМИ были заняты на Олимпиаде. Съемку вели только любители и корреспонденты зарубежных каналов, приехавшие на Игры.

«Б»
«Березка»

Благодаря Олимпиаде многие москвичи впервые попробовали кока-колу, фанту, жвачку, плавленый сырок «Виола». За экзотическими импортными товарами шла настоящая охота. Баночки из-под газировки аккуратно вымывались и торжественно выставлялись в сервант в качестве трофейного декора.

Я в этой охоте, конечно, не участвовал, так как к тому моменту уже был вхож в знаменитые валютные и чековые магазины «Березка». В 80-е они были, пожалуй, самыми вожделенными советскими точками торговли.

Впервые «Березки» появились в СССР в 1961 году. Изначально магазины создавались для иностранцев, плативших валютой, и размещались в аэропортах, у гостиниц и в целом там, где чаще бывали туристы. В 1967 году «Березками» стали называть и магазины, в которых торговали за чеки Внешпосылторга – «валютные заменители» достоинством от 1 до 250 рублей.

Если в первое время купить там можно было только сувениры, водку и икру, то потом, чтобы добыть больше валюты, государство разрешило продавать в «Березках» фарфор, фотоаппараты, часы и большой набор продовольственных товаров. А в 1976 году иностранцам в «Березке» разрешали платить даже кредитными карточками.

Чаще всего советский человек все же вспоминает о дефицитных продуктах. Я до сих пор помню названия. Например, разные виды датского сыра Rasmus, итальянскую пасту Buitoni, бельгийские соусы Continental Foods, японские соусы Kikkoman, французскую горчицу, финские рыбные консервы Jalostaja, португальских анчоусов Imporleste и испанского тунца Incomed.

Конечно, 99% жителей страны не могли даже одним глазком заглянуть в «Березки». Обычный человек жил рядовой жизнью, лишь иногда позволяя себе поблажки в виде кафе, рюмочных или чебуречных.

В советские годы чебуреки обрели статус фастфуда, хотя изначально они ими не были. В 1957-м в Москве на Сухаревской площади открылась чебуречная «Дружба», моя любимая, кстати.

Во время подготовки к Олимпиаде появились десятки образцовых кафе. Правда, советским гражданам кулинарные традиции их собственной страны оставались недоступны. Пролетариату и работникам умственного труда оставались чебуречные и пивные. Почему советский человек так полюбил их? Во-первых, чебуреки стоили достаточно дешево, а во-вторых, были доступны каждому, так как продавались практически на каждом шагу. И любой желающий, будь то студент или обычный рабочий, мог устроить себе сытный перекус прямо на улице.

Чебуречные всегда находились где-то недалеко от центра города. Многие приходили туда не только для того, чтобы отведать вкусных и свежих чебуреков, но и для общения.

Самые популярные заведения располагались недалеко от Смоленского гастронома, на Арбате, и уже упомянутая мной «Дружба» напротив Склифа, на Сухаревской площади. Ни одной, увы, до наших времен не сохранилось.

Чебуречные невероятно хорошо сочетались с пивными. На старом Арбате берешь чебурек и движешься в сторону «Жигулей». Пивная – это знаменитый формат, где царили высокие столики. Пол-литра пива – 24 копейки, а с 1979 года – 35 копеек. В простых местах – пиво с незатейливой закуской: бутерброд, яйцо. Но в московских пивных была еще и рыбная закусь, типа скумбрии холодного копчения или селедки с вареной картошкой на тарелочке.

«Жигули» на Калининском – уже не пивбар, а пивной ресторан. Тут продавали пиво – 1 рубль за литр. Обслуживание официантом. Креветки или рыбное ассорти. Дороговато, но

можно посидеть пару часов. Поболтать с народом. Там был свой дух! А еще «Саяны» на Щелковской, «Времена года», «Ракушка» на Юго-Западной.

Мой любимый летний вариант «Пльзеньский» – пивной ресторан в Парке Горького. Пиво и в самом деле было чешское. И больше в Москве – нигде! Ну, кроме «Березок». Там под прилавком стояла бочка, в которую стекала вода после мытья кружек, и из нее же доливали в кружки, где отстаивалась пена.

«Б»
Боксер Володя

«Яма» – на углу Столешникова. Еще одна знаменитая «стоячка»! Помню там Володю, бывшего боксера, он добровольно служил вышибалой и лично впускал народ по одному, когда очередь подходила. Позже таких людей стали называть «фейсконтролем». В советское время с вышибалами надо было дружить. Я обычно решал вопрос рублем. Но Володя был неподкупаемый. Если уперся, то не пустит, хоть какие деньги предлагай! При входе в бар был гардероб. За 20 копеек Володя приносил одежду и даже помогал одеться. Если ты ему не нравился, то мог уйти подшофе и в чужом пальто. Вначале пивная была «сидячая», но потом ее переделали в «стоячую», где все пили пиво стоя. Был здесь еще и «белорусский партизан» – здоровенный мужик. Ходил круглый год в драных ботинках на босу ногу, но пиво в «Яме» не пил, а наливал его в трехлитровую банку и уходил.

И, конечно же, «Ханой» – неофициальное прозвище пивной, как и «Яма». Располагался он в «стекляшке» на Кутузовском проспекте. В двухэтажный пивной ресторан всегда выстраивалась многочасовая очередь.

Зимой выдержать ее можно было только в правильной одежде. Меня там хорошо знали по элитной дубленке, купленной в обкомовском магазине в Хакасии. Это не афганская или югославская вещь рублей за триста – это канадское дубленое пальто за полторы тысячи рублей на черном рынке.

Дубленки в Советском Союзе были не просто верхней одеждой и даже не каким-то модным трендом – они являлись культовой вещью, делающей человека супермодным и суперстатусным.

В нашей многомиллионной стране была налажена выделка овчины и пошив верхней одежды для всех, в том числе форменной и профессиональной, в частности, для военнослужащих, милиционеров, геологов, лесорубов. Изготавливались дубленки и для людей других профессий. Изделия отечественных предприятий легкой промышленности в те далекие годы было достаточно сложно достать, и до конца семидесятых годов прошлого века дубленки в СССР считались дефицитом. Да еще каким!

«З»
Зайцев Вячеслав

Мой хороший приятель, русский «Диор», модельер Слава Зайцев продвигал моду на дубленки еще в шестидесятых. «Русские мотивы» от Славы сделали овчинный полушубок востребованным и во Франции. Париж, признанный центр мировой моды, отдал свое предпочтение именно дубленкам из России.

С середины семидесятых годов дубленка была мечтой советского человека, которую можно было осуществить, только поехав в командировку за границу или же купив у спекулянтов по баснословной цене. В Советском Союзе человек, «упакованный» в дубленку, джинсы и водолазку, являлся олицетворением моды и стиля, а главное, избранности.

Был еще один вариант: блатной доступ в закрытые торговые распределители. У меня такой доступ был. Например, в знаменитую двухсотую секцию московского ГУМа, где по специальным талонам среди высокопоставленных людей и членов их семей «распределялись» иностранные товары. Настоящий рай для тех, кто мог там отовариваться.

Первый раз я попал в двухсотую секцию в начале восьмидесятых. У внешнего входа стоял пост милиции, внутренний вход был тщательно замаскирован. Сразу за дверью – большое зеркало. Зимой посетители могли снять верхнюю одежду. Брежнева тут, конечно, нельзя было встретить, но его дочь Галю видели часто. Ее пускали без талона.

По сути, это был обычный магазин, который изначально задумывался для обслуживания иностранных делегаций. Но очень скоро к нему прикрепили и высшёруководство СССР. Каждого специального покупателя сопровождала продавщица, которая помогала выбирать товар.

«Е»
Емшанова Нина

Попасть в 200-ю секцию можно было только по разовому талону, получив его исключительно через аппарат ЦК. Тот расщедривался очень и очень редко. Например, Юрий Гагарин получил доступ только после полета в космос. В отличие от других советских магазинов здесь никто не хамил, а персонал был вежливым и обходительным. Я был знаком с Ниной Емшановой, королевой этой «райской» секции. Кого она только не одевала! Как-то в пальто нуждался лидер Афганистана Бабрак Кармаль. Теплолюбивый революционер остался доволен швейцарской обновкой и великолепным обслуживанием.

Дагестанский поэт Расул Гамзатов не только писал стихи, но и имел статус депутата Верховного Совета. Однако посетить секцию смог только однажды за какие-то невероятные заслуги. Заведующая рассказывала мне, что Нина Петровна Хрущева и Виктория Петровна Брежнева приезжали без звонка. Много покупок никогда не делали, за модой не гнались. А вот Раиса Максимовна Горбачева любила, чтобы ей уделяли внимание. Ее обслуживали не рядовые продавцы, а лично заведующая.

Французы, англичане, американцы приобретали только сувениры: палех, хохлому, гжель. Популярностью у них пользовались также самовары, значки. А к стендам с одеждой и обувью даже не подходили. И правда, зачем: в капстранах было всего достаточно и без нашей секции.

Приезжали в двухсотую Янош Кадар, Фидель Кастро.

Потрясали там и цены. Так, например, в восьмидесятые джинсы, которые по большому блату покупались за триста рублей, в 200-й секции можно было приобрести всего за семьдесят. Или гордость политической элиты – ондатровые шапки – 40 рублей, в то время как их цена на черном рынке была все 250!

«А»
Аксенов Вася

Кстати, народные и заслуженные артисты, писатели и прочая творческая интеллигенция доступа к двухсотой секции не имели. Одевались как могли. Помню, 30 мая в день памяти писателя Пастернака на переделкинском кладбище собралась экстравагантная компания. Евгений Евтушенко в ярком расписном пиджаке и почти такой же кепке.

Сам Женя пристрастие ярко одеваться объяснял детством военных лет, как противопоставление черным и серым ватникам с номерами на спинах, в которые были облачены несчастные и угрюмые арестанты.

Рядом с Евтушенко у могилы Пастернака стояла поэтесса Ахмадулина. К тому времени уже сложился узнаваемый образ Беллы: шляпки с вуалью, лайковые перчатки, перстни, воротнички. Третьим у могилы был Окуджава в простой белой рубашке и брюках. Вокруг носился Василий Аксенов в своей любимой джинсовой куртке.

Поминки Пастернака были в разгаре, когда у писателей закончилась водка. Не помню, как я оказался в этой пестрой компании, но точно помню, что у меня водка еще оставалась. Ко мне подошел Вася Аксенов и говорит: поменяемся, я тебе дам пачку сигарет, а ты мне – бутылку.

Крепкие напитки не раз сводили меня в одной компании с удивительными людьми, которых сегодня вспоминаешь как динозавров. В уже упомянутом писательском дачном кооперативе на Красной Пахре была знаменательная встреча в бане одного бизнесмена. Шикарная баня, камни из жадеита, купель, набор веников, трав разных. Великолепный ужин: шашлыки, хаш, осетрина. Но больше всего хозяин гордился тем, что перебил покупку этого дома и бани у самой наследницы империи Онассис.

«О»
Онассис Кристина

В 1978 году мир потрясла новость о свадьбе скромного советского гражданина, к тому же одноглазого, и миллиардерши, как сейчас принято говорить, «светской львицы», гречанки Кристины Онассис. Мужем стал обычный советский клерк Сергей Каузов. С Сережей я пару раз пересекался в компаниях. Скромный служащий «Совфрахта» Сергей Каузов меньше всего походил на героя-любовника. В детстве он потерял правый глаз и носил стеклянный.

Двумя годами ранее 26-летняя Кристина Онассис прилетела в Москву на переговоры по продлению контракта на перевозку в СССР импортного зерна.

Одним из членов рабочей группы «Совфрахта» был Каузов. Улетая в Париж, Онассис потребовала прислать к ней для дальнейших согласований именно Сергея. Каузова спешно командировали во Францию с заданием во что бы то ни стало подписать контракт.

Во Франции Онассис быстро дала понять Сергею, что ему делать, если он хочет получить от нее подпись. Кураторы из КГБ тоже оценили такие контакты и выделили Каузову больше денег, чтобы он выглядел представительнее. Вскоре пара перестала скрывать отношения. Дошло до того, что они вместе полетели на Карибы, где их застукали папарацци. Советского гражданина срочно вернули в Москву, на Лубянку. Но контракт срывать было нельзя, и в 1978 году случилась свадьба. Регистрация прошла в Грибоедовском загсе, банкет – в «Метрополе». Толпу иностранных журналистов сдерживала милиция и агенты в штатском. Миллиардерше с мужем пришлось поселиться в гостинице «Интурист». По ее меркам это было невыносимо, тогда-то она и положила глаз на писательскую дачу в Красной Пахре. Готова была заплатить 100 000 долларов, но не срослось.

Кристина пригрозила разорвать контракты с СССР, если ее мужа не выпустят на Запад. По решению Политбюро ее попросили перевести 500 тысяч долларов на развитие греческой компартии и еще внести 500 тысяч долларов в советский Фонд мира. Подписав чеки и сдав партбилет Каузова на хранение в ЦК КПСС, молодожены уехали в Париж. Брак распался всего через полтора года, как отступные Сергей получил от Кристины два грузовых танкера. Каузов перебрался в Лондон, открыл фирму морских перевозок и еще до перестройки стал долларовым мультимиллионером.

«С»
Суханов Лев

А пока будущий президент России Ельцин работает в Строительном комитете Москвы, мир его еще не знает, но некоторые поклонники за границей все же есть. Помощнику Бориса Николаевича Льву Суханову приходит по почте странный подарок. Посылка из самой Америки, от простого гражданина США.

В небольшой бандероли письмо к Ельцину и ежедневник – удивительная для конца восьмидесятых вещь. В Союзе такого не выпускали. В письме было пожелание успеха в написании мемуаров: если их издадут, то этот простой американец их обязательно купит. А ежедневник преподносился как помощь в записи мыслей.

Респектабельная кожаная книжка действительно располагала к написанию мемуаров, и Суханов убедил Ельцина. Он понимал: сам Борис Николаевич писать не станет, нужен тот, кто сделает это профессионально и быстро. Но как найти такого человека?

Сегодня это назвали бы тендером, а тогда провели закрытый конкурс среди журналистов и литературных рабов. Несколько человек были допущены к написанию главы. Выиграла женщина. Но гендерный вопрос подвел. Создатель мемуаров должен был провести наедине с Ельциным много часов. Уметь пить и говорить. И Суханов решил: женский пол не годится. Второе место в закрытом конкурсе было у Валентина Юмашева. И так второе стало первым. По праву таланта и пола.

«Исповедь на заданную тему» выходит в 1990 году, переиздается многократно, миллионные тиражи… Но гонорары – мизерные. Ельцин и Юмашев не получают практически ничего. То, что платят Ельцину, он переводит на благотворительность: покупает шприцы для больниц, продукты для домов престарелых. Будущий президент России и его биограф Валентин Юмашев получают славу, но не деньги. Ведь никто не объяснил им, как книги приносят доходы советским аппаратчикам уже много лет. Эту роль выполнил я.

«Я»
Хроленко Виктор

Москва, 1979 год

Я – молодой человек из далекой республики Хакасия – сам, без блата, поступаю на экономический факультет МГУ. Мой отец – зампред облисполкома Хакасии, не первый человек в республике, но вес имеет. Однако квартируюсь я в общаге, денег мало, работы нет, есть только учеба и желание хорошо жить.

Вскоре я научусь неплохо зарабатывать, но всегда буду помнить 70-е, время больших надежд и малых возможностей.

Хакасия – удивительный регион. Здесь в течение года около 300 солнечных дней – больше, чем в Сочи, за это республику называют Солнечной Хакасией. В межсезонье практически не бывает осадков – сильные дожди в июле – августе. Весной ветрено, даже пыльно. Я всем сердцем любил Абакан, столицу Хакасии. Тем более что жилось мне в нем просто замечательно.

Мой отец занимал довольно высокий пост в горкоме партии. У нас – хорошая квартира и редкий для того времени дом с участком на территории обкомовских дач. В лесу на берегу Енисея стояло около двадцати домов, в которых жила партийная элита Хакасской автономной области.

Милицейская будка на въезде, чтобы посторонние не пробирались, свой пляж, свой продовольственный магазин. Обычному человеку из народа тогда нигде нельзя было купить сухое вино, икру, крабов, а в нашем обкомовском магазине все это было.

Хакасия всегда славилась помидорами, они такие же сладкие, как узбекские. Отец 4–5 раз в год летал в Москву в командировки, московские начальники все время просили его привезти хакасские помидоры.

На наших 6 сотках родители развели целый огород. По выходным там приходилось вкалывать и мне. У нас был подвал, в котором хранилось по сотне консервированных трехлитровых банок с помидорами и огурцами. Каждый сантиметр был распланирован.

Спустя много лет я побываю на даче Брежнева и в очередной раз пойму, как же далеки правители от своего народа. На даче в Заречье был свой агроном, в его ведении – четыре парковых рабочих, а еще три повара, две официантки и одна сестра-хозяйка. Целый штат сотрудников.

Довольно большой бассейн, хорошая сауна, огромная столовая, человек на 20–30, внушительный стол и крошечная спальня, где Брежнев умер. Я видел эту спальню и не мог понять, как у генсека могла быть спальня всего 15–18 метров.

Мне довелось по случаю побывать и в квартире Брежнева на Кутузовском проспекте. Когда они делали ремонт, содрали обои и под ними обнаружили сейф, замурованный в стену. Думали, найдут деньги, драгоценности, вызвали медвежатников, вскрыли, а там лежали газеты «Правда», «Известия» со статьями о том, как Брежнев стал генеральным секретарем.

Квартира была роскошная, в престижном доме, а дача – все-таки весьма скромной.

В 90-е дача в Заречье перешла к тогдашнему мэру Москвы Гавриилу Попову, он ее приватизировал и продал Роману Абрамовичу. Потом брежневская дача была разрушена. Сейчас на этом месте особняки крупных чиновников и олигархов.

А вот наша дача под Абаканом до сих пор цела.

Для меня семидесятые годы – время открытий. Я поступил на экономический факультет МГУ. Дневное отделение, удивительный мир столицы. Студенческие вечеринки, киносеансы

для своих. Я ходил на закрытые просмотры в Дом кино. Знал пару точек, где были показы западных фильмов; кстати, люди на этом спекулировали.

Билет в обычный кинотеатр стоил 30 копеек, а чтобы попасть на запрещенные показы, нужно было заплатить рублей 10–20. 70-е – отличная эпоха в кинематографе, в которой лучшие роли сыграли такие великие актеры, как Аль Пачино, Роберт Де Ниро, Джин Хэкмен. Мартин Скорсезе показывал грязный, темный Нью-Йорк в своих криминальных фильмах, а Фрэнсис Форд Коппола создал икону криминального кино. Производство спецэффектов поднялось на новую высоту, это позволило Джорджу Лукасу снять одну из самых известных киноэпопей. «Крестного отца» или «Звездные войны» можно было увидеть только на закрытых, даже запрещенных показах. Туда попадали лишь свои, за деньги и исключительно по знакомству. Для тех, кто попроще, был кинозал в главном здании университета, там каждый вечер показывали неплохие фильмы. 3 сеанса начиная с 5 часов вечера. Там смотрели американские мультфильмы «Том и Джерри» и даже скандальный «Заводной апельсин».

«С»
Семенов Юлиан

В 73-м на экранах телевизоров советского человека главное кино – сериал «17 мгновений весны». Когда он шел телевизору, улицы были полупустые.

Автор сценария писатель Юлиан Семенов становится популярным за считаные часы. За этот сценарий в 85-м году он получит квартиру в уникальном и одновременно страшном Доме на набережной, он же Дом правительства. Я неоднократно бывал у него в гостях.

До сих пор это крупнейший жилой дом в Европе – 25 подъездов с 505 квартирами. Площадь квартир от 40 до 300 квадратных метров, высота потолков небывалая для советского человека – 3 метра 70 сантиметров, многие ванные с окном – удивительная роскошь. Дом сразу же был оснащен горячим водоснабжением, которого к тому времени не было даже в Кремле. А еще телефоны в каждой квартире, пассажирские и грузовые лифты, полная инфраструктура.

Сейчас бы такой дом назвали клубным. Еще бы, свой спортивный зал и магазин, отделение бытовых услуг и поликлиника, сберкасса и кинотеатр. На крыше располагались детский сад и ясли «для своих» же. Жители были не из простых. Поэтому не утруждались готовкой на кухнях, а получали питание по специальным талонам в придомовой столовой. Хотя многие имели помощниц по хозяйству, для этого в квартирах были предусмотрены комнаты для прислуги.

Более того, квартиры сразу были оборудованы одинаковой мебелью. Въезжающие жильцы принимали по описи все оснащение квартиры, вплоть до дверных защелок и унитазных крышек из дуба. Внутренние интерьеры расписывали художники из Эрмитажа, на полу – дубовый паркет, на потолках – пейзажи и натюрморты.

В лифте жильца или гостя обязательно сопровождал служащий дома, а у входа работали первые в Москве консьержи. Необычное новшество – наличие в кухнях прототипа вытяжки: в отверстие вставляли трубу от самовара. Был даже специальный лифт для вывоза мусора.

Дворники, лифтеры, консьержи и коменданты дома состояли на службе в ЧК. Разведка и агенты имели здесь свои секретные квартиры.

Кстати, нынешний Театр эстрады изначально задумывался как место для досуга жильцов Дома правительства. Этакий клуб по интересам. Частью организованного досуга должен был стать и построенный в доме кинотеатр «Ударник». Кстати, «17 мгновений весны» показывали и там.

Чтобы между просмотрами фильмов использовать кинотеатр как релакс-зону, крышу первоначально предполагалось сделать раздвижной. Захотелось посмотреть на звезды – вуаля, крышу сдвинули – и отдыхай в удобном кресле, думай о вечном, глядя на ночное небо. О вечном тут приходилось думать часто: из этого дома много кто уехал прямиком на смерть в застенки КГБ.

Когда Семенов получил квартиру в этом знаменитом доме, его родственница язвительно спросила: «Уже мечтаешь о мемориальной доске, братишка?»

В коридоре квартиры Семенов развесил фотографии афганских и никарагуанских друзей, деда, Сименона, Кармена. В столовой, выкрашенной в болотный цвет, – несколько полотен Кончаловского.

Всего в квартире было пять комнат: столовая, гостиная, три спальни – 111 квадратных метров гордости.

В этой квартире я познакомился с Аллой Пугачевой. Там были я, Юлиан Семенов, зампред комитета по авторским правам и молодая рыжая женщина, сначала я подумал, что это дочь Юлиана. Зазвонил телефон, она взяла трубку и сказала: «Звезда эстрады вас слушает».

Судьба сводила меня с Пугачевой еще пару раз, как-то мы вместе с ней и Артемием Троицким ужинали в ресторане гостиницы «Националь», но говорят, что больше всего Алла Пугачева любила ресторан в Доме актера.

«Ш»
Швейцар Володя

В то время в нем работал швейцар по имени Володя. Умел он отдыхающим, утонченным творческим натурам подпортить настроение. Как Золушка, ровно в полночь, он входил в зал, в котором пили и закусывали, и хорошо поставленным голосом диктора Центрального телевидения громко говорил: «Дорогие гости! Вас дома ждут жены и дети!»

Мне удавалось попадать туда нехитрым способом. «Трешка» в карман швейцару – и вопрос решен. Случайным его посетителям было совсем не важно, что в меню. Важно было, КТО сидел рядом с тобой!

Сами актеры частенько называли свой любимый ресторан ласково – «Родной гадючник». Да, в этом самом «гадючнике» снимали столь любимую советскими зрителями передачу «Театральные встречи», которую вели молодые Александр Ширвиндт и Михаил Державин. Их гостями были Леонид Утесов, Евгений Весник, Ростислав Плятт, Рина Зеленая и другие известные актеры.

Я часто заказывал поджарку по-деревенски. Сытно, недорого, хорошо под водочку. А еще многие любили сельдь по-бородински. Это филе селедки в орехово-томатном соусе сочинил еще в пятидесятых годах легендарный директор ресторана ВТО Яков Розенталь, которого все звали просто Борода. Кстати, именно Яков Данилович был прототипом Арчибальда Арчибальдовича в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

Каких только слухов не ходило о ресторане ВТО! Одни говорили, что, даже после того, как Борода ушел с директорства, главный повар ресторана все равно сам лично ездил на Центральный рынок и выбирал самое лучшее мясо.

Еще ходили слухи, что Борода советовал своим лучшим друзьям-актерам никогда не заказывать в ресторанах мясной салат. Даже у него! Так как в него всегда добавляли недоеденный антрекот, за которым «охотились» шустрые официанты. Ты только вилочку на тарелочку положил, растягивая удовольствие, а официант или официантка уже рядышком: «Доедать не будете?»

Говорят, Пугачева эти байки знала и как-то попросила метрдотеля позвать шеф-повара. Он пришел. Конечно, узнал Примадонну. Она посмотрела ему в глаза и сказала: «То, что я вижу, мне не слишком нравится. Закуски ладно, салата не надо, а мясо сделайте, пожалуйста, так, как бы вы приготовили для себя дома». Все было исполнено.

Московские рестораны – особый повод проявить свою личность, похвастаться одеждой. Юлиан Семенов часто бывал в куртке американской армии. Писатель хвастался, что этот камуфляж ему подарил сам Фидель Кастро. Он рассказывал, что в этой куртке круче, чем в одежде Levi Strauss.

Кстати, достать ливайсы в 70-е было невероятно сложно. Но мне впервые это удалось еще на первом курсе. Я познакомился с парнем из ФРГ, преподавателем русского языка. Его отец был военнопленным в СССР, как тогда говорили – фашистом. Спустя 25 лет после войны он стыдился того, что немец. На зимние каникулы мой приятель уезжал домой и спросил, что привезти. Я говорю – костюм Levi Strauss – джинсы и куртку. И он привез. Я гадал, во сколько же мне это обойдется. Парень взял с меня с немецкой аккуратностью: посчитал курс, тогда рубль по официальному курсу был дороже, чем доллар. Джинсы и куртка обошлись рублей в тридцать. А на черном рынке тогда одни джинсы стоили 200–250 рублей.

Судьба сведет меня с Семеновым еще несколько раз на разных застольях. Мы были дружны с Артемом Боровиком, которого Семенов любил как сына и как профессионала. Их

медиахолдинг «Совершенно секретно» станет одним из самых успешных в 80-е годы. Но об этом расскажу отдельно.

«

Черный рынок

А пока на дворе 70-е, и я начинаю свой книжный путь на черном рынке. Удивительно, что СССР и правда был самой читающей страной, но даже книгами обеспечить народ не могли. На этом я сделал свои первые деньги. Больше всего ценился трехтомник Булгакова – минимум 100 рублей, иногда и 150. 80 рублей стоил тогда на черном рынке том Осипа Мандельштама. 85 рублей – Марина Цветаева. А это были очень большие деньги – две трети зарплаты. Впрочем, на Цветаеву можно было поменять Дрюона. Тогда книжный бартер был развит чрезвычайно. Меняли не только книгу на книгу, но и книгу на запчасть или книгу на лекарство. Так что все это немножко напоминало капиталистическую жизнь, но в каком-то несерьезном варианте.

Широкая кампания по сбору макулатуры в обмен на редкие книги началась в стране в 1974 году. Всякий, кто крутился в этой сфере, знал, что из одной тонны макулатуры можно получить 700 килограммов бумаги среднего качества. Сбор макулатуры стал важным государственным делом. Оказалось, что читаемых книг в магазинах днем с огнем не сыскать.

Так возник эксперимент под девизом: «Сдай 20 кг макулатуры – спаси дерево!» В 1974 году купить книгу «Королева Марго» Александра Дюма и «Женщина в белом» Уилки Коллинза могли только обладатели абонемента за сданную макулатуру. Изначально название книг на абонементах не указывалось, они были достоинством 5, 10 и 20 кг, причем разного цвета.

Разноцветные талоны менялись на один – двадцатикилограммовый. В приемном пункте макулатуры нужные талоны оказывались не всегда в наличии. Надо было ежедневно посещать этот пункт и ловить момент, когда талоны появятся. Это был второй барьер на пути к заветной книге. Первый барьер – это сама макулатура. Макулатуру надо собрать в нужном количестве и сдать в приемном пункте. Учитывая, что большинство из нас передвигалось общественным транспортом, книголюбы набивали старыми газетами авоськи, рюкзаки, брали себе в помощники детей, жен (мужей) и отправлялись за талонами.

Я, конечно, макулатуру не сдавал, действовал по-другому. О существовании московского черного книжного рынка я впервые узнал в книжном магазине на Калининском проспекте. Однажды в компании подслушал, что в Доме книги на Новом Арбате в обеденный перерыв «выбрасывают» для продажи новые книги современных советских писателей, причем небольшими партиями. Надо было постоять некоторое время в сторонке и дождаться, когда из подсобки станут выносить книги за прилавок, где торгуют художественной литературой, и стремглав бежать к кассе, чтобы занять очередь. Очередь формировалась мгновенно. Изо всех углов, как пчелы на сладкое, слетался озабоченный народ, чтобы успеть занять очередь и пробить чек. Чеки пробивала одна касса, и кассиру было точно известно, сколько чеков можно пробить, чтобы осчастливить десятка два-три любителей литературы.

Там же я узнал, что после пяти часов вечера и до закрытия магазинов книжники собираются на улице Кузнецкий Мост на толкучке около магазина для обмена книгами. Оказалось, что у «чернокнижников» можно купить как дорогие издания, так и дешевые, если на толкучку заскакивал какой-нибудь начинающий алкоголик с книгой из родительской библиотеки. Такие продавали ее по номиналу, потому как времени ждать нет: трубы горят, и надо срочно принять на грудь. На Кузнецком Мосту от книжников я узнал, что по выходным дням черный книжный рынок перемещается на Ленинские Горы к выходу из метро – там собиралось до нескольких сотен человек, продавцов и покупателей.

Стихийный рынок образовался в 70-е годы, после того, как стали продавать книги в обмен на макулатуру. Книжный ажиотаж возник вначале вокруг обмена книг, продающихся

на абонементы. И только спустя некоторое время, когда стало понятно, что обменять лишнюю книгу на нужную тебе сегодня очень сложно, возник стихийный книжный рынок. Оказалось, что проще продать свою книгу и купить необходимую тебе. Все правильно. Классическая формула простого товарного обращения. Товар – деньги – товар.

По такому же принципу работали вещевые рынки. Их было несколько: на метро «Беговая», на Садово-Сухаревской, в Измайлово. Стоят люди с пакетиками или с листом бумаги – джинсы, такой-то размер. Кто-то приходил в дубленке, его спрашивали: не продаешь? Продаю. Иногда человек уходил по морозу в одном свитере.

«А»
Авен Петя

Как-то я с будущим олигархом Петей Авеном поехал продавать ненужное на черный рынок в Торжке. Почему-то считалось, что там это делать безопаснее. У Авена скопились какие-то ношеные вещи, и у меня что-то лежало ненужное. У Пети был первый автомобиль, «Жигули-Копейка». На этой машине мы поехали в Торжок, часов пять от Москвы. Разложили вещи на газете и довольно быстро распродали. Такой нехитрый бизнес будущих олигархов.

Чем дольше я жил в Москве, тем больше обрастал связями. Скоро я уже знал, где и как добыть хорошие книги, вещи и классную импортную технику. Например, в американском посольстве. Люди приезжали работать на три года, а уезжая, устраивали распродажи. В Америке это называется гараж-сейл. Сотрудники вывешивали объявление на территории американского посольства, но как узнать о распродаже простому советскому студенту? Я договаривался со стажерами-американцами, просил собирать эти объявления, а если сделка происходила, то платил процент. А еще пару раз в год в Серебряном Бору на одной из двух дач американского посольства тоже устраивали распродажу.

Еще в СССР в Серебряном Бору начали строить дачи для высокопоставленных госслужащих и иностранных дипломатов. В разное время здесь располагались дачи посольских работников США, Аргентины, Болгарии, Японии, Франции, Англии, Кореи, Ливана, дома отдыха ЦК КПСС, газет «Правда» и «Московский комсомолец», Большого театра.

Красивое место в окружении сосен и берез. Американская дача по нынешним временам выглядела довольно просто, стены – вагонка, газончики, но в 70-е годы это казалось роскошным.

Я помню, что побывал там с приятелем, у него была жена-американка. Кстати, с этим визитом связана и неприятная история. Мой знакомый занял у меня 500 рублей, купил что-то дорогое, а деньги так никогда и не отдал.

Я довольно часто терял большие суммы денег, бизнес есть бизнес, но никогда не понимал бесчестность – взять и не отдать. Для меня деньги всегда были лишь инструментом, которым можно владеть виртуозно, но иногда можно и сфальшивить или что-то пропустить.

Уже на первых курсах университета у меня было много денег. Я не вылезал из музеев, театров и ресторанов. Балет «Спартак» я видел раз пять, «Лебединое озеро» – столько же, спектакль со Смоктуновским «Царь Федор Иоаннович» в Малом театре посетил восемь раз. Пересмотрел все спектакли на Таганке. Десятки раз был в музее Ленина, столько же в музее Горького и Октябрьской революции, про Третьяковку или Пушкинский вообще молчу. Я познавал Москву и ее нравы жадно и в больших дозах.

Почти каждые выходные в общежитиях устраивались вечеринки. Были такие комнаты отдыха, в которые вмещалось человек шестьдесят. Мы устраивали дискотеки, на которых играла хорошая западная музыка. Иностранные студенты привозили пластинки. Одним из самых больших коллекционеров был внук камбоджийского диктатора Пол Пота. Того самого, который уничтожил больше половины населения своей страны. Внук учился на юридическом факультете МГУ и обладал коллекцией в 300 западных пластинок.

«Б»
«Балатон»

На вечеринку приносили кто что может. Рядом с общагой находился знаменитый венгерский магазин «Балатон». Принести что-то оттуда было особым шиком. Он открылся в 1972 году на Мичуринском проспекте. Магазин расположили в пристройке высотной гостиницы «Университетская». Я частенько бывал там и даже завел полезное знакомство с завскладом отдела продовольствия Верой.

В «Балатоне» можно было найти немало деликатесов. Речь, конечно же, о консервах марки «Глобус». Здесь продавали горошек, лечо, кетчуп, помидоры, перцы, фаршированные овощами в томатном соусе, разные консервированные фрукты, я больше всего любил абрикосы и черешню. Конечно, «Балатон» славился и градусными напитками. Из-за близости МГУ и одного из общежитий университета в магазин часто наведывались студенты. Мы даже шутили, что лучше алкогольный ассортимент «Балатона» в Москве не знал никто.

А выбрать и правда было из чего. Например, вермуты, пара видов токайского вина: сухое – в узкой высокой бутылке и десертное – в таре «потолще». Для любителей имелись напитки покрепче: вишневый ликер под названием «Рубин» и травяной 40-градусный бальзам «Уникум».

Существовали в магазине и отделы непродовольственных товаров. В одном продавали сумки, обувь и перчатки. В другом – в основном шарфы и платки. Ну и самое главное: чуть позже здесь начали продавать знаменитый кубик Рубика, изобретенный в 1974 году. За ним приходилось стоять в очереди, иногда несколько часов.

Я изучил ассортимент и графики продаж не только в «Балатоне». К третьему курсу университета я знал все магазины дружественных стран.

Символом дружбы между Индией и Советским Союзом был магазин с символическим для восточных религий названием «Ганг». В Москве магазинов с таким названием было два: на Смоленке и в Гольяново.

Вот что дарила москвичам священная река. Во-первых, благовония. Во-вторых, марлевые юбки. В-третьих, бусы из полудрагоценных камней. Таких и на Урале много, но тут – Индия, экзотика. В-четвертых, знаменитая сумка со слоном – для путешествия с родины слонов на родину слонов. Ну и в-пятых, конечно, индийские джинсы из материи свободы. Москвичи толпами приезжали в Гольяново и массово скупали индийские джинсы с благодарностью. Но я носил ливайс и индийскими не интересовался.

Гордая надпись «Ядран» появилась на улице Профсоюзной, дом 152, корпус 2. «Ядран» по-сербохорватски – это Адриатическое море. Здесь продавалось практически все: югославские туфли, рубашки, брюки.

Но главным хитом были даже не джинсы, а джинсовый сервиз. Охота на джинсовый сервиз начиналась сразу, как над Москвой пролетал клич: «Выбросили!»

ГДР представляла себя на Ленинском проспекте, а потом в Теплом Стане на улице Академика Варги был открыт магазин «Лейпциг». Германия, пусть и Восточная, радовала москвичей по-крупному. Дезодоранты с ясными и четкими немецкими названиями «Нежный», «Свежий» и «Терпкий». Кремы для лица в вазелиновой стране – на вес золота. Немецкие гитары «Резоната» на фоне свежесрубленных ленинградских, опять же, звучали по-иному. Но едва ли не главное – игрушки. В «Лейпциге» продавались и модельки самолетов, и мягкие игрушки, и автомобильчики, но ничто не притягивало таким электромагнитом, как железная дорога. Выставочный образец стоял в зале, облепленный зрителями, но были и наборы на продажу.

За 32 рубля можно было купить стандартный набор, а потом докупать стрелки, вагончики, семафоры. Но и заработать на железной дороге тоже было можно. Надо было просто купить железную дорогу в «Лейпциге», а продать у «Детского мира» на Лубянке. Ведь в «Лейпциге» она была всегда, а в «Детском мире» редко, но приезжие этого не знали. Главное, чтобы на самой Лубянке не увидели.

Отношения с Польшей у России были самыми долгими и почти всегда не безоблачными. Тем не менее магазин «Ванда» на самой Петровке, а потом и на Полянке был в Москве 70-х одним из самых магических и самых желанных.

Косметика. 70-е вообще время косметики, все красятся по обе стороны Атлантики. Но только советская женщина знала магические слова Pani Walewska или Pollena Miraculum.

«Ванда» открывала москвичкам мир теней, а также туши, румян, помады, блеска для губ и духов. И главная польская парфюмерия – дуалистические духи «Быть может» и «Может быть».

Кстати, главная торговля происходила не в самой «Ванде», а как бы под ней, рядом в арке находился общественный туалет с закрывающимися кабинками. А это значит, идеальные условия для показа товара, для примерки и подсчета денег.

В Советском Союзе успешно развивалась так называемая «Вторая экономика», экономика теневая, подпольная. Были еще центровые общественные туалеты, например, в начале Столешникова переулка или на пересечении Кузнецкого Моста и Неглинной. И во всех заседали крупные экономисты-практики из «Второй экономики».

Я полюбил Москву, со всей ее базарностью, смешением культур, нагромождением районов и многолюдьем. Сегодня она изменилась до неузнаваемости. Но когда я прилетаю в столицу, всегда вспоминаю свое веселое время в 70-х. С особой культурой, например, пития.

Взять, к примеру, рюмочные. Первые рюмочные в Москве открылись в 50-х на Солянке, в Копьевском переулке, недалеко от Большого театра, на Тишинском рынке.

«Р»
Рюмочные

В Москве 1970-х было разнообразие общепита: шашлычные, сосисочные, пельменные, блинные, пирожковые, чебуречные, пончиковые, пловные, вареничные. И, конечно же, рюмочные, которые часто называли бутербродными.

Эти заведения числились в системе общепита под двумя названиями потому, что бутерброды давали там на закуску. Люди авторитетные, с опытом называли этот бутербродик «пыжом». Обычно он представлял собой кусочек хлеба с килькой и половиной вареного яйца. Еще «пыж» мог быть с колбасой или селедкой. Водку отпускали в разлив, минимальная порция составляла 50 граммов.

Выпивали в рюмочных обязательно с закуской и обязательно стоя, там не сидели. Сейчас, когда я попадаю на фуршеты, где все вокруг стоят, это напоминает мне советские рюмочные.

Сам хорошо помню рюмочную недалеко от Большого театра. На ГУМе и ЦУМе уже была неоновая реклама, но здесь вывеска выглядела сильно попроще: большие кондовые красные буквы – «Рюмочная» – и значок общепита. Ни с чем не спутаешь. Ее и подсвечивать не надо было: люди шли туда как на работу. Таких заведений было множество, по Москве – около пятидесяти, наверное.

Камерная обстановочка мест на двадцать-тридцать. Народу полно, по одному не пили – в основном по трое. Люди разные, все располагало к долгим застольным беседам.

Официально приносить с собой и распивать в рюмочной было запрещено, об этом сообщали висящие на стенах объявления. Все равно приносили, разливали под столиками. Атмосфера какая-никакая, и вообще, было лучше, чем выпивать во дворе на детской площадке.

Иногда возле рюмочной кто-то валялся, но недолго. Обычно таких забирали сразу в вытрезвитель, за этим следили.

В СССР порицалось не само употребление спиртного, а когда это делалось в неположенных местах: в парке, во дворе, на глазах у детей или у проходной. Другое дело – зашел в рюмочную: отдыхай культурно, никто тебя не заберет. Только с собой не приноси. А на закуску на вот – бутербродик. И формат прижился. После работы заходить в рюмочную было принято.

Ассортимент в рюмочных был большой, не только водка. Наливали вино, портвейн. Рюмочку опрокинули – и никто вас не обвинит, что вы пьяный.

Другое дело – отдых элиты. Или мажоров. Все, кто был успешен в фарцовке, при деньгах или просто был ребенком партийной элиты, получали допуск на секретные мероприятия – подпольные концерты.

Туда пускали за деньги. На Макаревича, например, вход стоил около трех рублей.

«К»
Кипа Толя

Особым шиком считалось попасть не на студенческий концерт в общаге, а в загородный ресторан, например в «Архангельское» на Рублевке. Там одно время культурной программой занимался удивительный человек – Толя Кипа. И называлось это – попасть на «ночник».

Кипа – так Анатолия Бальчева называли все вокруг, когда я о нем впервые услышал. Тогда говорили, что прозвище пошло от его «кипы денег» в кармане: заработки у него были бешеные, на его концерты считали за удачу попасть и криминальные авторитеты, и знаменитые артисты.

Для Москвы он был легендой. Сейчас бы сказали, что именно он запустил клубную жизнь: с его имени пошло само понятие клубной тусовки. Толя играл и организовывал концерты в сочинском «Интуристе», у него была своя группа «Кипа-джаз». Однажды их услышал директор ресторана «Архангельское» и позвал работать под Москву.

В ноябре 1973 года «Кипа-джаз» впервые вышла на сцену «Архангельского». По рассказам, картина была довольно печальной: туристы почти перестали заезжать, постоянным гостем оставался разве что Косыгин, иногда наведывались друзья Толика. Музыканты коротали вечера у окна, глядя на Ильинское шоссе и гадая, заедет кто-нибудь или нет.

Через полгода все изменилось. Про «Архангельское» узнали актеры. Сначала потянулись таганковцы, затем ленкомовцы, «современниковцы». В списке завсегдатаев значились Александр Абдулов, Андрон Кончаловский, Белла Ахмадулина, Зураб Церетели. Очень быстро ресторан стал богемной точкой притяжения, а еще через пару лет было уже не войти без звонка. Столики бронировали за неделю, со всей Москвы ехали самые яркие столичные модницы, и место стало, по сути, клубом. В какой-то момент казалось, что вся приличная Москва так или иначе побывала у Кипы.

Я попадал в этот ресторан по звонку. Швейцары знали меня в лицо. Если намечался классный концерт, то я всегда об этом знал. Толя доставал аппаратуру западную, артистов подбирал. Вход на «ночник» – пятнадцать рублей. И это не считая того, что заплатишь в ресторане. А там как повезет: мог быть фазан на ужин, а мог и осетр.

В «Архангельском» я бывал десятки раз. И очень сожалел, когда ресторан прикрыли. Тогда в Москве все пересказывали одну и ту же историю про конец «Архангельского». Сам я в тот вечер там не был, но друзья рассказывали ее много раз, с подробностями.

Летом 1979 года, за год до Олимпиады, по городу пошел слух, что органы получили негласное распоряжение пройтись по всем злачным местам, и «Архангельское» в этом черном списке шло одним из первых. 2 июля, как водится, там собралась «вся Москва»: архитекторы, космонавты, актеры, режиссеры, писатели и элитные проститутки со своими зарубежными супергостями. Часам к трем ночи, по рассказам, в зал зашла группа сотрудников КГБ с собаками, прозвучала команда всем оставаться на местах. На столики поставили номерки, гостей по очереди фотографировали. Выйти могли только те, у кого при себе были документы, остальных везли в Красногорское УВД.

После этого рейда, говорили, директор решил не искушать судьбу: ансамбль расформировал, Толю Кипу уволил. На этом «Архангельское» в той своей золотой версии и закончилось.

«С»
Сандуны

Из памятной мне Москвы семидесятых особняком стоят Сандуны. По сибирской привычке я очень уважаю бани.

Самым кайфом считалось прийти часов в 8 утра, когда до тебя никто не парился. Работали в Сандунах мастера своего дела – потомственные парильщики. Был общий зал, но я предпочитал кабинеты и высший разряд. Раньше, кстати, в Сандунах посетителям разрешали самим поддавать пар. Это были времена, когда хорошему пару аплодировали. Практика свободного доступа к печке прекратилась: кому-то мало пара, кому-то много.

Особый шик после бани – заказать обед из ресторана «Узбекистан». Просишь банщика заказать, в ВИП-кабинете накрывают стол – и вскоре на нем появляются дары ресторана. «Узбекистан» был одним из моих самых любимых ресторанов в Москве 70-х и 80-х годов.

«У»
«Узбекистан» ресторан

После войны почти каждая союзная республика считала долгом открыть в столице свой ресторан: так появились «Армения», «Арагви» и другие заведения. В 1949 году Министерством торговли Узбекской ССР было принято решение об открытии на Неглинке ресторана «Узбекистан». За два года возвели настоящий восточный дворец – одноэтажный, скромный снаружи и роскошный внутри. В октябре 1951 года ресторан «Узбекистан» принял первых гостей.

В 70-е попасть в «Узбекистан» было очень сложно. Конечно, известные актеры и прочие сильные мира сего попадали сюда по блату, но всем остальным, чтобы поужинать, нужно было занимать очередь с самого утра. Стояли в очереди молодые артисты и писатели: Людмила Гурченко, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко.

Ассортимент ресторана был прекрасен: салаты с мясом, свежими овощами и зеленью. Причем цены не то чтобы кусались: салат «Пахтакор» – 1 рубль 35 копеек, «Узбекистон» – 77 копеек. Большой популярностью пользовались супы. Здесь подавали шурпу, лагман, а также пельмени и манты в наваристом, насыщенном бульоне. Стоило это все также недорого – в пределах рубля в 70-е годы. Конечно же, в меню были и разные виды шашлыков: из курицы, баранины. Люля-кебаб, несколько вариантов плова. Короче, выбор на любой вкус.

* * *

Если бы меня спросили, что было самым знаковым для меня в 70-е годы, я бы сказал, что новизна. Это и новые знакомые, и университет, и самое главное – любовь всей моей жизни. За которую пришлось бороться с советскими порядками. И об этом я обязательно расскажу.

Но пока я молодой студент. Стипендия 40 рублей, родители присылают еще 30. Верх мечтаний – пообедать не в студенческой столовой, а в «стекляшке» – профессорской столовой. Здесь официантки в передничках подают вкусные сосиски, котлеты, даже шницель бывает.

И самое главное – дефицитное чешское пиво, до сих пор помню его горьковатый вкус. Обед обходился в 2–3 рубля. Конечно, на такую красивую жизнь денег мне не хватало. И я постоянно думал, как заработать.

Мне помогли книги и иностранные стажеры. Американских стажеров каждый год в МГУ было человек 40–50, их стипендия – 250 рублей. Для сравнения, инженер тогда получал 120 рублей. А они по 250. Ну и самое ценное: у студентов из капстран был доступ в валютный магазин «Березка».

В охоте за книгами я мог объездить несколько «Березок» в день: весь тираж в одном магазине купить было нельзя – сразу «примут» милиционеры. И я ехал в «Березку» у Новодевичьего монастыря, затем в гостиницы «Россия» и «Украина». На такси уходило около двадцати рублей. Но оно того стоило.

Арифметика простая. «Мастера и Маргариту», «Театральный роман» и «Белую гвардию» продавали доллара по два с половиной – в переводе 7 рублей. На черном рынке их цена доходила уже от 50 до 100 рублей за томик. Я сдавал оптом перекупщикам рублей по сорок. Прибыль – 33 рубля с одной книжки. Продал 10 штук – и три с лишним сотни в кармане.

Вскоре я съехал из общежития и снял две квартиры. Одну для жизни, вторую – «писательскую». Там хранились экземпляры запрещенных авторов на продажу. И больше ничего. Если бы меня приняли за «фарцу» по месту жительства, то формального повода для ареста не было бы.

Черный книжный рынок располагался тогда у памятника первопечатнику Ивану Федорову. По выходным там собиралась толпа – человек двести-триста, аккурат за книжным антикварным магазином. Там я встречался со своими оптовиками. Надежных было всего пару человек, мы не знали имен и телефонов друг друга. Просто назначали время встречи. Как-то одного из них я долго не мог найти. Решился на эффектный поступок. Достал из кармана повязку дружинника, забрался на ступеньки к Ивану Федорову и крикнул: «Граждане спекулянты, пора расходиться!» Все бросились бежать, а мой оптовик узнал меня, смеется, и мы спокойно завершили сделку.

Я жил яркой творческой жизнью без шор. На факультете занимался общественной работой. Как-то решил: хорошо бы позвать в гости на факультет к экономистам Окуджаву. Нашел номер телефона, достал монетку и позвонил в квартиру Булата Шалвовича. «Я студент Хроленко, не могли бы вы прийти к нам на экономический с концертом?» И он пришел.

Все проще было, душевнее.

Меня знали многие писатели, Витя Хроленко мог достать любые книги, эта способность открывала двери в дома интеллигенции: Евгений Евтушенко, Юрий Трифонов, Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Илья Глазунов, Владимир Солоухин. Я довольно близко дружил с некоторыми из них.

«Е»
Евтушенко Евгений

Меня поражали интерьеры и порядки некоторых творческих квартир. Эпатажный Женя Евтушенко жил как будто в избе. Стены всей квартиры были обиты стесом отшлифованного бревна. Этакий деревенский шик. Однажды мы вместе с Борей Гребенщиковым и его супругой Людой были у него в гостях. На стенах псевдоизбы висели современные художники. Люда выпила, взяла бутылку вина и запустила в бревенчатую стену со словами: «Как вам не стыдно жить в такой роскоши, когда народ голодает!»

А в квартире Вознесенского в высотке на Котельнической я впервые увидел, что технику накрывают пленкой. Японский видеомагнитофон, телевизор и музыкальный центр писатель закрывал полиэтиленом – от пыли.

«К»
Касаку Като

Как-то я познакомился с Като Касаку, представителем одной японской компании. Он был поклонником русской литературы. Его я привел в гости к Юрию Трифонову, в писательский кооперативный дом на Соколе. Угощали борщом, и домработница случайно облила японца. Трифонов так кричал на прислугу, что испугался даже японец. Но это не помешало нам стать партнерами по книжным вопросам.

Именно Касаку я доверил свой гениальный план начинающего издателя. Леонид Ильич Брежнев только выпустил серию мемуаров. «Малая Земля», «Целина», «Возрождение» должны быть переведены на японский!

Мой новый японский друг мечтал перевести и напечатать в своей стране грандиозный роман Шишкова «Угрюм-река», но случилась «Малая земля» Брежнева. Тогда я еще не понимал, что открыл золотую жилу. Легальный способ благодарить чиновников за услуги – гонорар за книги.

Леонид Ильич получил от японца всего 10 000 долларов. Немного, но главное было не в сумме, а в престиже. Мемуары переводили на десятки языков, Брежнев, как ценитель званий и регалий, был счастлив. А японец получил за это от ближнего круга Брежнева несколько экспортных контрактов. Вот как это работало. Связи, которыми можно пользоваться на благо крупных денег.

Мы с японцем встречались и ужинали в ресторанах, он всегда оплачивал счета. Моя задача была привести нужных людей и вообще открыть двери этих заведений. И это я умел делать виртуозно.

В «Арагви» всегда стояла очередь на вход, но я приучил швейцаров к себе. Главное – не жалеть чаевых. Три рубля за открытие двери каждый раз. Общага студенческая стоила три рубля в месяц, и открыть дверь в «Арагви» – такая же цена. Но это того стоило: те, кого мы туда водили, были очарованы сервисом. Фирменное блюдо «Арагви» – цыпленок табака. Но чтобы удивить иностранца, я обычно заказывал экзотику – «Гребешки петуха». Их в день было не больше пятнадцати штук, для меня всегда оставляли резерв. Средний счет в «Арагви» – около 20 рублей на двоих с гребешками и бутылкой водки. Плюс чаевые и вход – 30 рублей. Месячная стипендия, но ресторан открывал путь к большим деньгам.

«Р»
Ресин Владимир Иосифович

Человек алчен и тщеславен. Мемуары – прямой путь к кошельку чиновника. Красивое издание – обложка, а под ней договоренности о гонораре. Нет книги – мы напишем. Нет воспоминаний – литературные рабы придумают. В течение десятилетий я отработал эту схему до мелочей. Самым прямолинейным и простым клиентом был заместитель московского мэра Лужкова по строительству Владимир Ресин. Он любил, чтобы его называли именно Володя Иосифович. Я издал две его книжки. Никто и никогда не покупал эти мемуары добровольно, кажется, они шли бонусом к новогодним подаркам сотрудникам мэрии и прочих московских госучреждений. Ресин сам назначал себе гонорар. К примеру, сто тысяч долларов или двести. Еще бы: автор настоящего бестселлера. Ресина читают и на болгарском, и на китайском, и польские коллеги, и даже англичане.

Что же получал я, отдавая сотни тысяч долларов за то, что не продается? Я получал контракты. Ресин заведовал всеми стройками Москвы. И мог рекомендовать застройщикам, у кого и по какой цене покупать бетон, щебенку, кирпич, да что угодно. Мне оставалось найти стройматериалы по нормальной цене и перепродать в указанное место. Хватало и гонорар Владимира Иосифовича покрыть, и отлично заработать.

«Н»
Назарбаев Нурсултан Абишевич

Вообще, контракт на подписание мемуаров открыл мне многие двери. Даже к президенту Казахстана Назарбаеву. С ним я познакомился благодаря Вале Юмашеву.

Через несколько месяцев после распада СССР приятельница Юмашева по журналу «Огонек» предложила поговорить о контракте на мемуары президента Казахстана, я полетел в Алма-Ату.

Встреча с самим президентом была назначена на 13:00, но до этого меня пригласил пресс-секретарь Назарбаева, известный журналист и публицист Гадильбек Шалахметов. Он был довольно скромным человеком, несмотря на то что его знал каждый житель бывшей советской республики.

В 11 мы встретились в его маленьком кабинете. Он спросил, что я буду – чай или кофе. Я попросил кофе. Был только самый простенький – растворимый. И пару кусочков сахара. Гадильбек покраснел и извинился: сахар им выдают только до десяти утра. Даже самому пресс-секретарю президента, да и Назарбаеву тоже. Уровень дефицита после развала Союза был чудовищный.

Как, впрочем, и уровень коррупции. И в России, и в Казахстане. Когда мемуары готовились, президент предложил поговорить с двумя чиновниками: министром экономического развития и председателем Госбанка Казахстана. Не про книгу, а про кредиты для Назарбаева и Казахстана. В Нью-Йорке мы прошли с ними с десяток инвестиционных фондов. Пришла пора им улетать. Я решил сделать подарок Назарбаеву. Такой же, как и Ельцину, – бронежилет. Времена были лихие. Хороший бронежилет стоил тогда порядка пяти тысяч долларов. Ценный подарок. Купил его, принес, попросил передать президенту. Они долго его рассматривали, поинтересовались стоимостью, и потом эти два чиновника высшего ранга вышли на балкон, чтобы избежать прослушки, и спросили меня: «Витя, может, сдашь обратно в магазин и нам наличкой отдашь эти пять штук?» Мемуаров мы, кстати, так и не выпустили…

«К»
Коррупция

Моя записная книжка была бы неполной, если не вспомнить главного героя 80-х и 90-х. Даму на букву «К». Ее знает вся Россия, для кого-то это мать родная, для других – ненавистная баба, которая изничтожает Русь-матушку. А для меня это то, с чем приходилось работать каждый день. К – Коррупция!

Использование связей, блата, взяток в официальной советской риторике преподносилось как пережитки прошлого, обреченные на отмирание по мере движения к светлому коммунистическому будущему. Именно поэтому борьбу со взяточниками вели в основном на страницах сатирических изданий, в фельетонах и газетных рубриках «Из зала суда».

Однако советские люди, жившие по реальным, а не вымышленным правилам, относились к протекции, блату и взяткам более чем серьезно. Известную аббревиатуру ЗИС (Автомобильный завод имени Сталина) расшифровывали как «Знакомства и связи».

Больше всего коррупция была распространена, конечно, в торговле. Достать нормальную еду, а тем более мебель или одежду без блата или взятки было невозможно.

Помню, в 87-м году на всю страну шумело дело о «рыбной мафии», которая продавала икру, упакованную в банки от кильки, и прочую «неучтенную» рыбную продукцию. У замминистра рыбного хозяйства тогда изъяли более трехсот тысяч рублей, этих денег хватило бы на покупку сорока-пятидесяти квартир. Но это масштабы министерств. Обычные люди давали взятки деньгами, за мебель, например, или предметами дефицита.

У меня всегда были в запасе французские духи на так называемые «подарки». Это первая ступень в градации взяток для женского властного лица при исполнении. Я давал такие, когда нужен был номер в гостинице или когда мне отказывали в регистрации брака с супругой. Разобраться в парфюмерных взятках в советское время было несложно. Парфюмы иностранного производства попадали на прилавки магазинов не так часто, как хотелось бы, и в ограниченном количестве. К тому же стоили они недешево. Но за ними всегда выстраивалась огромная очередь. Эти духи сильно отличались от того, что предлагала отечественная индустрия. Популярные парфюмы «Красная Москва», «Ландыш серебристый», «Натали» проигрывали своим «коллегам» из-за границы.

Самый желанный аромат восьмидесятых – Climat от Lancome. Небольшой флакончик этих легендарных духов стоил баснословных денег – 45 рублей при средней зарплате 100 рублей. Конечно, позволить себе такое могла далеко не каждая женщина. Этот запах был взяткой номер один для женщин до 35 лет.

Дамы бальзаковского возраста были рады другой моей взятке – Magie Noire от того же Lancome. «Черная магия» по крепости аромата и правда сражала наповал. Восточный глубокий парфюм поняли и приняли не все. Это, кстати, селективный продукт, первый в СССР. Кому-то он подошел сразу, а другие «Черную магию» считали возрастными, духами для женщин с халами на голове. Именно их я приносил в ЗАГС, чтобы нас зарегистрировали.

Ну и топ взяток для жен госчиновников – «Опиум», созданный Ив Сен-Лораном в 1977 году, он появился в Советском Союзе только в конце восьмидесятых. Чтобы купить этот аромат, советские женщины должны были отстоять сумасшедшую очередь.

Женскими взятками считались еще продукты и, конечно, чай и кофе. Особенно ценился, как ни странно, растворимый кофе, зерновой лежал на полках даже в период лютого дефицита. А вот растворимый «Московский», Indian Instant Coffee и «Натуральный» – последние два были известны под кодовыми названиями «С индианками» и «С пальмами» – были предметами особого вожделения. Indian Instant Coffee являлся частью сложных экономических вза-

имоотношений Советского Союза и Индии. Последняя оплачивала кофейными банками государственный долг. Достать индийский кофе было настоящим квестом, поэтому чаще всего любители кофеина покупали советский кофе днепропетровского, львовского и ростовского производства. Кстати, первая советская линия по производству растворимого кофе открылась на Днепропетровском комбинате пищевых концентратов в 1972 году. Средняя цена за банку составляла 6 рублей. Немалые, между прочим, деньги. Так что те, кто был победней, покупали кофейные напитки.

Строго говоря, советские кофейные напитки к настоящему кофе не имели никакого отношения. Ну или очень, очень опосредованное. В основе таких продуктов лежала смесь из жареных и молотых каштанов, цикория и желудей. В некоторые добавляли растворимый натуральный кофе – не больше 30%. Такое, конечно, на взятки не годилось.

Если уж не кофе, то хотя бы чай с бергамотом: он хоть и поступал в СССР, но в свободную продажу почти не попадал и распространялся в основном через «заказы», а значит, был достаточной редкостью и ценностью.

«В»
Взятка

Но самым главным специалистом я, конечно, был в сфере алкогольных взяток. Стоит начать с элитного советского коньяка. Самой желаемой и редкой маркой коньяка был «Юбилейный» сроком выдержки спиртов 50 и 60 лет. Изготавливался он тогда в Грузии и Армении. В 50-летний ассамбляж коньяка «Юбилейный» входило 30% спиртов 1905 года, 20% – 1915 года, 50% – 1925 года. Сегодня этот коньяк часто продают на аукционах от 700 долларов за бутылку и выше. Это была взятка на уровне замминистра.

К чиновникам попроще я обычно приходил с другим набором. Покупал элитный армянский коньяк: «Васпуракан», «Двин», «Ереван», «Наири» и «Праздничный». В среднем от 25 до 40 рублей за бутылку по ценам 80-х. Но чтобы купить эту бутылку, прибавьте еще рублей десять. После 85-го года в моду алкогольных взяток вошли французские коньяки. Тот же Camus, Napoleon и Remy Martin продавались по 25–30 рублей.

К мелким чинушам я носил коньяки еще проще. В Грузии и Дагестане делали неплохой коньяк, который нередко украшал столы представителей номенклатуры. Из грузинских помню «Казбеги», «Вардзия», «Варсквлави», 20–30 рублей в середине 80-х годов. Дагестанский коньяк практически ничем не уступал грузинскому: «Махачкала» стоил 35 рублей, «Дагестан» – 25,80.

Водку как взятку обычно не дарили, как-то несолидно, а вот вино – бывало. Ценители предпочитали марочные вина. Из крымских я покупал «Мадеру», «Бастардо», «Инкерманское». В почете были некоторые грузинские вина: «Цинандали» и широко известная «Хванчкара». Сегодня вино и духи как вид взятки, конечно, смотрятся смехотворно.

Другим распространенным видом коррупции были гонорары за публикацию в ведомственном или партийном издании. Они доходили до нескольких тысяч рублей, превышая все возможные ставки. Бывало, один из первых секретарей обкома прямо намекал редактору подчиненного ему издания: надо, чтобы его статья вышла, а ему заплатили достаточно крупные деньги (несколько тысяч рублей тогда – это эквивалент нескольких зарплат). Это был конфликт интересов: он не имел права публиковаться в своем же журнале, но к концу восьмидесятых на такое закрывали глаза.

Коррупция – это не только про деньги, это и продвижение по партийной линии, и создание кланов. В СССР такой подход был очень распространен: днепропетровский клан, машеровский клан, узбекский клан и так далее. Вроде бы с коррупцией боролись, но нужно было создавать себе опору, продвигать своих людей, которые всегда будут поддержкой. Это и порождало коррупцию. Когда вы занимаете должность вопреки вашим профессиональным знаниям, вы получаете власть как бы себе в собственность. Этот процесс пронизывал Советский Союз снизу доверху. И вот человек, привыкший к такой системе, попадает в 90-е, когда взятки становятся миллионными, и не рублевыми, а долларовыми.

«Ч»
Черномырдин Виктор

К примеру, я получаю квоту на экспорт нефти, она подписана Ельциным, подписана премьер-министром Черномырдиным. У меня есть все подписи, но ведь цена на нефть образуется хитрым способом. Если вы гоните нефть по трубе «Дружба», то зарабатываете 50 центов на тонне, иногда 60. Но не больше, чем доллар. А если вы идете в Новороссийский порт, то ваш заработок будет 10 долларов с тонны. Так в чем же разница между «Дружбой» и Новороссийским портом?

К концу 1950-х годов в странах Восточной Европы, объединенных в Совет экономической взаимопомощи, увеличился рост производства и, соответственно, возникла острая потребность в нефти. В то время поставки из Советского Союза осуществлялись только железнодорожным транспортом. Стало очевидно, что необходим нефтепровод, который позволил бы доставлять черное золото непосредственно от советских месторождений в Венгрию, ГДР, Польшу и Чехословакию.

Трубопровод «Дружба» я сначала увидел не в жизни, а в школьном атласе. Я еще сидел за партой, решал задачи по физике, а учитель географии с важным видом показывал на карту: вот тут, дети, идет новая нефтяная магистраль.

На картинке все выглядело почти игрушечно: из Татарстана в сторону Европы тянулась жирная линия, вокруг флажки и стрелочки, подпись «Дружба». Только позже до меня дошло, что по этой линии на карте шла вовсе не абстрактная дружба, а очень конкретная нефть. Тогда любили повторять, что «Дружба» – общее детище стран СЭВ. Трассу вели через болота, горы и судоходные реки сразу нескольких государств, и каждая страна отвечала за свой отрезок. Насосные станции делали в ГДР, арматуру и клапаны – в Чехословакии, автоматику – в Венгрии. Трубы – отдельная история: формально их производили Польша и СССР, а фактически в начале стройки приличную часть просто покупали у западных немцев.

Про это в официальных брошюрах, разумеется, не писали. Уже позже, в разговорах, всплывали подробности: американцы постоянно пытались прикрыть эту лавочку, давили через блокаду, уговаривали ФРГ не связываться с Советами. В 1963 году канцлер Аденауэр в итоге махнул рукой и официально прекратил поставки труб. В Москве изображали удивление, а на самом деле к этому моменту свои заводы уже разогнали. Первую трубу собственного производства рабочие, по легенде, подписали крупно: «Труба тебе, Аденауэр!» Надпись потом аккуратно стерли, но сама история жила еще долго – как маленькая частная месть внутри большой геополитики.

При всей сложности строительства будущим постсоветским бизнесменам этот трубопровод приносил сущие центы. Другое дело – Новороссийский порт или любой другой. Если нефть идет танкерами, то на тонне можно заработать гораздо больше. Фрахтуешь танкер на 100 000 тонн, и прибыль на объеме уже 10 долларов с тонны. Миллион долларов минимум за танкер. Вместо ста тысяч по трубе. Но чтобы получить такую возможность, подписей Ельцина и Черномырдина мало. Главный человек в этом деле – начальник департамента в Министерстве топлива и энергетики. Вы приходите к нему за условиями контракта, он вам говорит: если хотите Новороссийск, танкер на 100 000 тонн, принесите мне 100 000 долларов. Не принесете – будет труба «Дружба».

Сколько раз я слышал эти фразы. В кабинетах, коридорах, но чаще всего в ресторанах неподалеку от министерства. В 91-м Союзное ведомство превратилось в Министерство РСФСР. И переехало на Китайгородский проезд, 7.

«С»
«Старая площадь»

Чаще всего встречи были в весьма экстравагантном месте. Ресторан «Старая площадь» задумывался как джаз-клуб в американском стиле. На стенах блестели черно-белые фото великих джазменов. По вечерам под сводчатыми потолками из щербатого кирпича звучали пронзительные импровизации Александра Ростоцкого, Игоря Бриля, Даниила Крамера, Льва Кушнира, Артема Лалояна.

Но это по вечерам, а днем здесь шли десятки переговоров-договорняков. С самого открытия «Старой площади» сводчатый подвал с замысловатыми переходами впитал в себя патриархальный русский коррупционный дух. Кстати, говорят, что из этих подвалов есть тайный проход до самого Кремля.

Чиновники с удовольствием ходили в этот джазовый подвал за мой счет. «Старая площадь» работала почти круглые сутки, ассортимент холодных закусок полностью соответствовал традиционному русскому набору. Черная икра с ледяной водкой. Севрюга старомосковская с хреном. Маринованные грибы по-крестьянски. Рулет из свинины с чесноком. Многочисленные салаты, включая всенародно любимый оливье.

Я обычно заказывал стандартный набор: рыбную солянку с расстегаями или наваристый борщ с котлетой по-киевски. Дорвавшиеся до халявы начальники департаментов баловались морепродуктами. Кроме дежурного омара под сметанным соусом с крабами брали крупных лангустинов с овощами и соусом hollandaise, хорошо шел океанический и голубой атлантический краб целиком, улитки под соусом «Гранд Каньон», свежие устрицы, морские гребешки с черной икрой в соусе «Шампань», каракатицы, креветки.

В напитках расхождений не было – только водка. Под рюмку решалось, когда и сколько получит чиновник, как будут передаваться деньги. Никто, понятное дело, не возражал против наличных, кто-то просил машиной, кто-то – камешками. Но доллары были в приоритете. И самое удивительное: никто ни разу не отказался от десерта, даже после изрядного водочного возлияния. Халява животворящая. Некоторые брали на пробу несколько видов фруктовых салатов с ликерами, мороженое разных сортов и пирожные. В среднем посиделки обходились в 300–400 долларов плюс 100 000 в карман.

Бывали такие, кто на обед приходил, но подписывать сразу не соглашался. Для сложных чинуш был еще один бонус – хорошая сауна, где можно отдохнуть и поговорить.

Как-то летом был веселый случай. В сауне собрались не только чиновники с моими партнерами, но и классика – девушки легкого поведения. Баня располагалась практически напротив знаменитого здания КГБ на Лубянке. Девица уговорила замминистра пойти на ступеньки прогуляться для остроты ощущений. А на самих ступеньках решила вступить с ним в неприличные отношения. Еле оттащили.

Чем быстрее неслась Россия в финансовую пропасть девяностых, тем больше бонусов хотели люди с министерскими портфелями. И то, как они этого добивались, особая форма изящества.

«Д»
Дороги

4 апреля 1992 года был издан указ президента Ельцина «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». Это был первый антикоррупционный нормативно-правовой документ. С этого момента чиновники подверглись запрету на ведение предпринимательской деятельности и должны были предоставлять информацию о доходах, вкладах, ценных бумагах и имеющихся кредитах при назначении на руководящую должность. Но кого это могло остановить!

В налоговом министерстве Александра Починка его заместители, входившие в конкурсные комиссии, через секретарш подсказывали, какую цену нужно поставить, чтобы выиграть. Разницу от того, что нужно было поставить, аккуратно клали в личный карман.

Дороги – это не только одна из двух известных бед России, но и средство обогащения для чиновников на местах.

В Хакасии я строил 150 километров дороги. Самое главное в этом деле – щебень. Перед тем как утвердить план строительства, вы получаете согласование у местных властей. Они точно знают, где пройдет дорога и откуда нужно возить щебень. А все карьеры в округе уже принадлежат губернатору или главе района. Вы в капкане. Меня тогда консультировал юрист Дмитрий Проводин, именно он объяснил, как работают эти схемы. Возить щебенку дальше, чем за десять километров, невыгодно, а то, что рядом, принадлежит чиновнику или его родственникам и стоит не как щебенка, а как гранит. И выхода нет. Либо так, либо дорога будет и правда золотая. На 150 километрах местные управленцы поднимали до нескольких десятков миллионов долларов.

«Г»
Гуров Лев

Самый трагикомичный случай в области коррупции случился при свидетелях в одном из московских ресторанов на Таганке. На ужине присутствовали Лев Гущин, главный редактор «Огонька», первый зам президентской администрации Сергей Красавченко, мои партнеры по бизнесу и Валя Юмашев. Но главным действующим лицом был Лев Гуров, заместитель Бакатина в Министерстве внутренних дел, а впоследствии его же зам в КГБ.

Мы познакомились с ним в Штатах. Гуров был в командировке, читал лекции по оргпреступности. Когда контракт закончился, я поселил его в одной из съемных квартир в Нью-Йорке и пару недель поил, кормил и показывал Манхэттен. Перед отъездом Лев оставил мне все телефоны. А спустя несколько месяцев он вместе с шефом перешел в КГБ. Бакатин буквально несколько месяцев возглавлял эту могущественную организацию.

Когда я приехал в Москву, набрал его, думал, что вряд ли заместитель главы КГБ откликнется, но Гуров с удовольствием приехал в ресторан. Выпили, закусили, и Лев при всех сказал: «Витя, хватит водкой торговать, купи у нас архивы КГБ». Я обалдел от такого предложения и отказался. А сейчас иногда думаю: если бы сделка состоялась, то Россия сейчас могла быть совсем другой.

Вообще, доводилось мне посмотреть на коррупционные схемы глазами самих чиновников. И здесь в моей записной книжке настает черед буквы «Т». Аман Тулеев, бывший главой Кузбасса без малого 21 год.

«Т»
Тулеев Аман

(Не звонить через секретаря: обижается)

В 90-е я уже занимался и нефтью, и цветными металлами. Жил, как всегда, между Россией и Америкой. В Нью-Йорке меня застал звонок от людей кемеровского губернатора. Мне предложили стать председателем совета директоров Кузбассразрезуголь. Это огромная компания, 35 000 рабочих. Тулеева я лично не знал, но как-то помог решить ему деликатный вопрос – согласовать его кандидатуру на выборы главы региона у Ельцина. Коммунист Тулеев обещал быть верным ельцинистом, следовать курсу президента, порвать с КПРФ, главное, чтобы Кремль об этом узнал. Я помог. Вскоре пришло предложение: занять пост председателя совета директоров и получить так называемую «золотую акцию» – 25% + 1. Решающий голос среди остальных собственников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.